

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 4, pp. 843–865, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-843-865
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 902

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-843-865

Комплекс находок Нового времени со стоянки *Первомайский-1* (Южное Зауралье): к вопросу о типологии, хронологии и этнокультурной принадлежности памятника

Никита Сергеевич Савельев¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-3643-2388. E-mail: sns_1971@mail.ru

Анна Геннадиевна Савельева²

² Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 научный сотрудник
 0000-0001-9472-2810. E-mail: sasmay1972@mail.ru

Сергей Юрьевич Николаев³

³ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник
 0000-0003-3350-9148. E-mail: nikolaev.sergey123@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Савельев Н. С., Савельева А. Г., Николаев С. Ю., 2020

Аннотация. Цель статьи — публикация и анализ археологических материалов Нового времени, полученных на выявленной в 2019 г. стоянке *Первомайский-1* в Южном Зауралье (Россия, Республика Башкортостан, Абзелиловский район, высокое плато в 14 км к западу от правого берега р. Урал). В состав коллекции входят три группы гончарной керамики, посуда из фарфора и фаянса, различные железные изделия, куски железной руды, кости животных и т. д. Источниковедческий анализ комплекса находок и аналогии с территории Урала, Поволжья и Западной Сибири позволили датировать памятник серединой – второй половиной XIX в. и отнести его к типу кратковременных стоянок оседлого земледельческого населения. Привлечение для углубления анализа исторических сведений и картографических материалов позволило установить, что данная стоянка является полевым станом казаков станицы Магнитная (Оренбургское казачье войско) и возникла после создания Новолинейного района и переноса

границы России на этом участке на 200 км к востоку. В результате этого бывшая крепость превращается в богатое село, в котором развивается торговля и резко увеличивается количество жителей. Картографические данные показывают, что данный объект в период своего существования был расположен в центре узкой (5–6 км), использовавшейся под пахотные угодья, полосы, ограниченной с востока основной транспортной артерией региона — Оренбургским почтовым трактом, а с запада — границей казачьих и башкирских земель. Проведенные комплексные исследования позволили обосновать датировку выявленного археологического комплекса, что имеет высокое значение для дальнейшего развития археологии Нового времени всего Уральско-Западносибирского региона, а также показать вероятную многочисленность у земледельческого населения полевых станов, которые могут рассматриваться как отдельный тип археологических памятников.

Ключевые слова: Южный Урал, Новое время, Оренбургская пограничная линия, казачество, станица Магнитная, материальная культура, археология, система расселения

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Савельев Н. С., Савельева А. Г., Николаев С. Ю. Комплекс находок Нового времени со стоянки *Первомайский-1* (Южное Зауралье): к вопросу о типологии, хронологии и этнокультурной принадлежности памятника // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 4. С. 843–865. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-843-865

UDC 902

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-843-865

Artifacts of the Modern Era from *Pervomaisky-1* Site (Southern Trans-Urals): Typology, Chronology and Ethnocultural Affiliation of the Archaeological Monument Revisited

*Nikita S. Savelev*¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-3643-2388. E-mail: sns_1971@mail.ru

*Anna G. Saveleva*²

² Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Research Associate

 0000-0001-9472-2810. E-mail: sasmay1972@mail.ru

*Sergey Yu. Nikolaev*³

³ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0003-3350-9148. E-mail: nikolaev.sergey123@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Savelev N. S., Saveleva A. G., Nikolaev S. Yu., 2020

Abstract. *Goals.* The article publishes and analyzes archaeological materials of the modern period found at Pervomaisky-1 site discovered in foothill-steppe areas of the Southern Trans-Urals (a high plateau 14 km west of the right bank of the Ural River, Abzelilovsky District, Republic of Bashkortostan, Russia) in 2019. *Materials.* The collection includes three groups of pottery (coarse,

gray-clay and red-clay), porcelain and earthenware dishes, various iron products (knives, harrow teeth, fragments of a cast-iron pot, horseshoes, etc., and no weapons traced), pieces of iron ore, animal bones, etc. *Results.* The source analysis of the finds and analogies from the rest of the Urals, Volga Region and Western Siberia made it possible to date the site to the mid — late 19th century and typologically classify it a short-term sedentary agricultural settlement. The paper establishes a relative synchronicity of all types of pottery (including impurities to clay dough), porcelain and earthenware, showing a high proportion of tableware and ‘tea’ utensils, which may be associated with the type of the site. The absence of large cast-iron cauldrons is defined as a marker of some agricultural (not nomadic) population. The involvement of historical data and cartographic materials deepened the analysis and made it possible to determine the site is a field camp of Cossacks from Magnitnaya stanitsa (Orenburg Cossack Host) that emerged after the establishment of Novolineiny District and the 200 km eastward transfer of Russia’s national frontier. This resulted in the territory turned into a deep rear area. So, the former fortress became a rich village where trade was developing and the population was rapidly increasing. Cartographic data show the object was located in the center of a narrow (5–6 km) arable land strip bounded by the main transport artery of the region — Orenburg Post Road — in the east, and by the border of Cossack and Bashkir lands in the west. The conducted comprehensive studies substantiate dating parameters of the archaeological complex which is of great importance for further development of modern history-related archeology in the entire Ural–West Siberian Region, and show the likely abundance of agricultural field camps across the territory that can be viewed as a separate type of archaeological objects.

Keywords: Southern Urals, modern history, Orenburg border line, Cossacks, Magnitnaya stanitsa, material culture, archeology, settlement system

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture’ (state reg. no. AAAA-A17-117040350082-3).

For citation: Savelev N. S., Saveleva A. G., Nikolaev S. Yu. Artifacts of the Modern Era from *Pervomaisky-1* Site (Southern Trans-Urals): Typology, Chronology and Ethnocultural Affiliation of the Archaeological Monument Revisited. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(4): 843–865. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-843-865

Введение

В 2019 г. при проведении разведочно-го обследования в Абзелиловском районе Башкортостана был выявлен новый археологический памятник, получивший наименование «Стоянка *Первомайский-1*». Он находится на пологом мысу северного берега небольшого, в настоящее время полностью распаханного озера на вершине степного водораздельного сырта, в 2,8 км к северу от с. Первомайского, в 10 км к юго-западу от края современной застройки города Магнитогорск и в 2,5 км к северо-западу от железнодорожной станции Пещерная (Челябинская область). Диаметр котловины озера — 100 м, глубина — 1,5 м, высота плато над долиной р. Янгелька (левый приток р. Урал), протекающей через Первомайский, — около 45 м.

На поверхности действующей пашни найдено большое количество разновременных находок. Заложенные 5 шурфов (все — размером по 1×1 м) позволили установить

максимальные размеры памятника — около 120×100 м, однако пятно подъемного материала с наибольшим количеством находок имеет размеры не более 70×50 м. Заложенный в центре этого скопления один из разведочных шурфов показал, что культурный слой приурочен исключительно к распаханной части отложений (верхние 30 см).

Всего со стоянки происходит 76 находок, из них 4 — кремневые изделия неолита — энеолита, 4 фрагмента лепных сосудов раннесарматского времени (конец V — IV вв. до н. э.), а 68 относятся к так называемому «позднему» комплексу (середина — вторая половина XIX в.), рассмотрению которого и посвящена настоящая статья. К нему относятся 37 фрагментов гончарных сосудов, 14 фрагментов сосудов из фарфора и фаянса, 14 различных изделий из железа (в том числе 2 — из шурфа в центре пятна подъемного материала). Также на всей поверхности площадки обнаружены единичные фрагменты изделий из стек-

ла, обожжённой глины и куски железной руды разного размера. Несомненной значимостью этой коллекции является разнообразие находок, отсутствие вещей заведомо «фабричного» производства (исключая

фарфоровую и фаянсовую посуду) и возможность привлечения для анализа исторических и картографических источников, в достаточной степени известных для этой территории в Новое время.

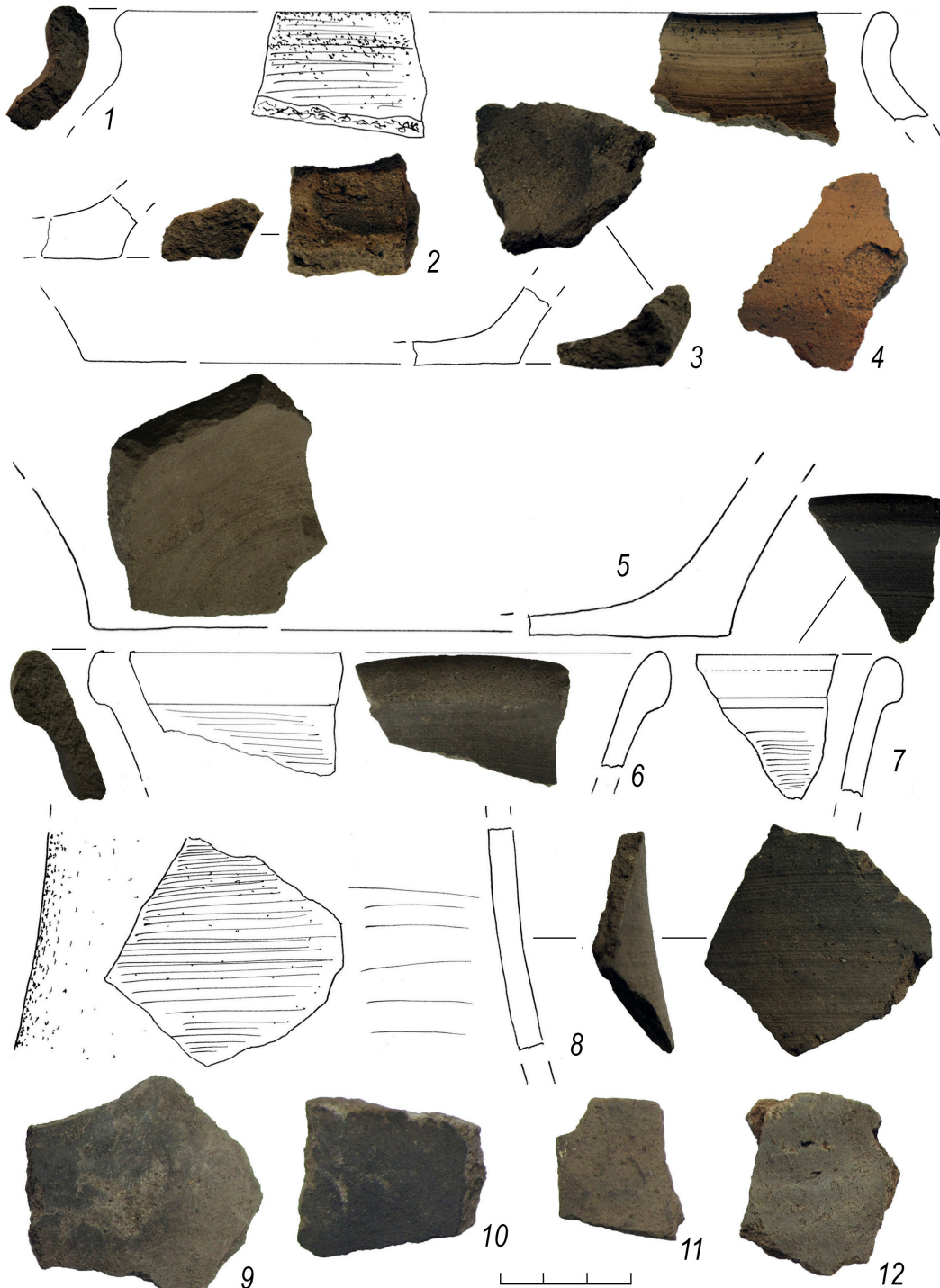

Рис. 1. Стоянка Первомайский-1. Гончарная посуда. 1-4 — группа 1 («грубая»); 5-12 — группа 2 (сероглиняная), в том числе: 5-8 — подгруппа 1; 9-12 — подгруппа 2

[Fig. 1. Pervomaisky-1 site. Pottery. 1-4 – group 1 ('coarse'); 5-12 – group 2 (gray clay), including: 5-8 – subgroup 1; 9-12 – subgroup 2]

Коллекция

Фрагменты гончарной керамики — 37 экз. — обнаружены на всей поверхности площадки, концентрируясь небольшими (3–5 м в диаметре) скоплениями по несколько находок. По технологии изготовления выделяются 4 группы: грубая гончарная, 2 группы сероглиняной и краснойглиняная.

Группа 1. Грубая гончарная посуда — 7 экз. (18,9 %). Орнамент отсутствует (рис. 1, 1–4). Тесто плотное, основной примесью является песок (иногда — достаточно крупный), в 4 случаях — с дробленным мягким белым камнем, по 1 случаю зафиксирована дополнительная примесь дресвы, небольшого количества талька и обугленной органики. В двух случаях песок является единственной примесью в глиняном тесте. Частично данные по форме могут быть описаны по трем фрагментам.

1. Верхняя часть тулова горшковидного сосуда с низкой дуговидно отогнутой шейкой, округлым венчиком, оформленным снаружи мягким валиком и сильно раздутым туловом. Тесто плотное, крупнодисперсное, с примесью песка, дресвы, малого количества талька, дробленого мягкого белого камня. Поверхности серо-коричневого цвета, наружная поверхность покрыта горизонтальными расчесами, на срезе венчика — небольшие вдавнившиеся «звездочки» нагара, что свидетельствует об использовании данного горшка в печи. Толщина стенок — 7 мм, реконструируемый диаметр сосуда по венчику — 18 см (рис. 1, 1).

2. Фрагмент дна плоскодонного сосуда с примесью песка и обугленной органики. Поверхность серого цвета, с нагаром на внутренней поверхности и следами срезания с гончарного круга. Толщина дна — 12 мм, толщина стенок — 12 мм (рис. 1, 2).

3. Фрагмент дна плоскодонного сосуда из хорошо промешанного теста с примесью песка. Поверхности темно-серого цвета. Реконструируемый диаметр дна — 12 см, толщина дна — 6 мм, толщина стенок — 9 мм (рис. 1, 3).

Группа 2. Сероглиняная гончарная керамика — 18 экз. (48,6 %)

Подгруппа 1 — 14 экз. (37,8 %), все они без орнамента (рис. 1, 5–8). По примесям, фактуре теста и обработке поверхностей условно выделяется 6 сосудов. Тесто очень плотное, основная примесь — песок. Един-

ственной примесью песок являлся только в одном случае, при этом тесто было сильно запесоченным. В пяти выделяемых сосудах дополнительной примесью являлись мелкие галечки, в четырех из них присутствовали и иные примеси, которые фактически являлись дополнительными к рецепту «песок + мелкая галька». В двух случаях такой дополнительной примесью была мелкая обугленная органика (рис. 1, 5; 8), по одному случаю — мелкая органика (рис. 1, 6) и мелкая органика с дробленным мягким белым камнем (рис. 1, 7).

Частично форма сосудов реконструируется по четырем фрагментам.

1. Верхняя часть тулова сосуда типа кринки. Устье оформлено дуговидным расширяющимся книзу валиком, срез венчика округло-приостренный. Реконструируемый диаметр по устью — 13 см, шейка прямая раструбообразная, сохранилась на высоту 2,5 см, ее толщина — 5 мм. Диаметр шейки на высоте 2,5 см от устья составляет 10,5 см. Наружная поверхность шейки ниже валика покрыта мелкими горизонтальными расчесами. Тесто отмученное, однородное, с нагаром на наружной поверхности, с примесью песка, галечек и мелкой органики (рис. 1, 6).

2. Фрагмент венчика сосуда типа кринки. Устье оформлено валиком с выраженным ребром в нижней его части. Шейка прямая раструбообразная, сохранилась на высоту 3 см, ее толщина — 5 мм. Наружная поверхность шейки ниже валика покрыта мелкими горизонтальными расчесами. Тесто отмученное, однородное, с примесью песка, галечек, мелкой органики и мелкой белой крошки. Обе поверхности покрыты прозрачным черным обваром (рис. 1, 7).

3. Нижняя часть плоскодонного сосуда. Диаметр дна — 12 см, толщина дна — 5 мм, толщина стенок — 10 мм. По соотношению диаметра дна и отгиба нижней части стенок сосуд может быть реконструирован как кринка. Тесто плотное, с примесью очень мелкого песка, в том числе кварцитового, мелкой обугленной органики (рис. 1, 5).

4. Верхняя часть тулова сосуда типа кринки (рис. 1, 8). Устье не сохранилось. Реконструируемый диаметр по шейке — 9,7–11 см, увеличивается к низу. Шейка прямая раструбообразная, сохранилась на высоту 5 см, ее толщина — 5,5 мм. Наруж-

ная поверхность покрыта мелкими горизонтальными расчесами, внутренняя — крупными и более глубокими горизонтальными бороздами. Тесто отмученное, однородное, с примесью песка, галечек и обугленной органики.

На фрагментах от двух сосудов, в том числе на одной из кринок (рис. 1, 7) фиксируется прозрачный черный обвар. На одном из сосудов подгруппы — также на кринке (рис. 1, 6) — наружная поверхность покрыта нагаром.

Подгруппа 2 — 4 экз. (10,8 %). Представляет собой группу фрагментов неорнаментированных стенок сосудов, с массивными (толщиной 0,7–1,2 см) стенками, форма ни одного из сосудов не реконструируется (рис. 1, 9–12). Судя по общей массивности и слабому изгибу стенок, все они относятся к типу крупных горшков. Тесто более грубое, менее промешанное, чем у подгруппы 1, с примесью большого количества песка. Фиксируется 3 близких рецепта: «песок (мелкий) + дробленый мягкий белый камень» (рис. 1, 11), «песок + мелкая галька + шамот + дробленый мягкий белый камень» (рис. 1, 12) и «песок (очень много)

+ мелкая галька» (рис. 1, 9, 10). На двух последних, относящихся, вероятно, к одному сосуду, присутствует нагар.

Различия между подгруппами — в качестве обработки поверхностей, выделки формовочной массы и толщине стенок. Вероятно, можно говорить об одновременности обеих подгрупп, о чем наглядно свидетельствует близость формовочных масс, а различия являются следствием разного функционального назначения сосудов: подгруппа 1 — столовые, подгруппа 2 — кухонные.

Группа 3. Красноглиняная гончарная керамика — 12 экз. (32,4 %)

Найденные фрагменты по фактуре теста и обработке поверхностей относятся к 11 сосудам (рис. 2), из них глазурованные зеленой поливой — 6, коричневой — 2 и прозрачной — 2. На одном небольшом фрагменте — плоском дне сосуда — полива отсутствует (рис. 2, 9). У фрагментов двух сосудов слой глазури с обеих сторон толстый, цвет темно-зеленый, насыщенный, поверхность бугристая (рис. 2, 2, 8). У двух сосудов полива на внешней поверхности дымчато-зеленая, на внутренней поверхно-

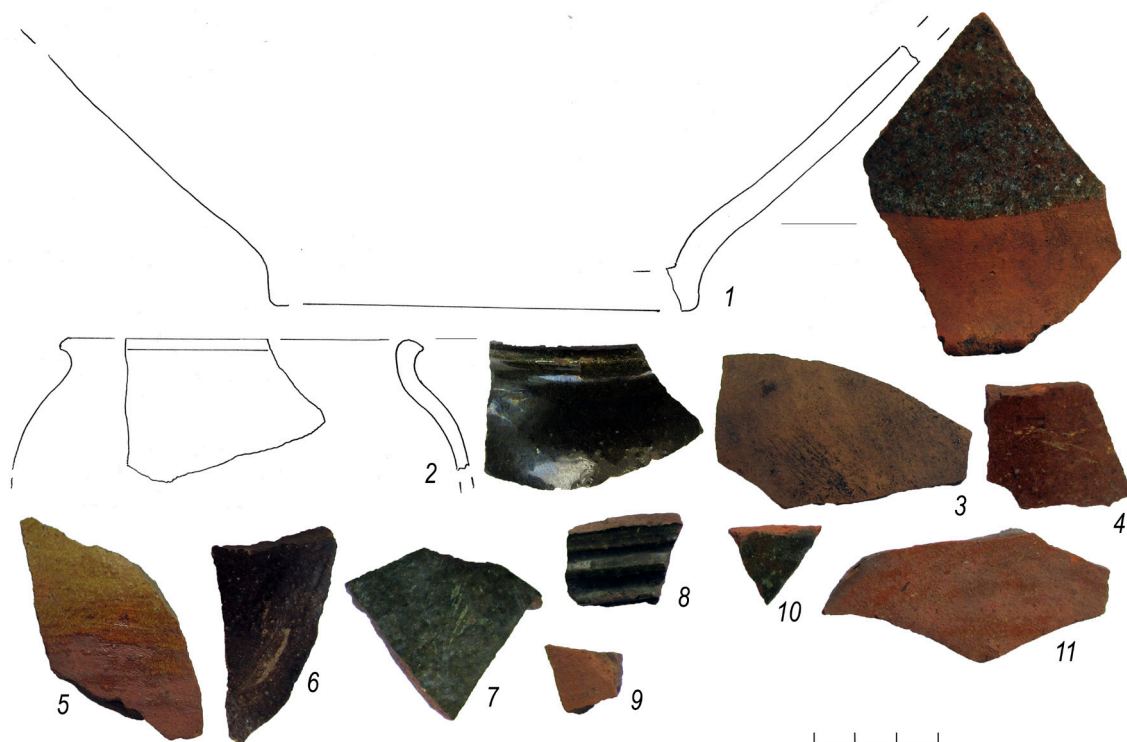

Рис. 2. Стоянка Первомайский-1. Гончарная посуда. Группа 3 (красноглиняная)

[Fig. 2. Pervomaisky-1 site. Pottery. Group 3 (red clay)]

сти — прозрачная (рис. 2, 7, 10). Вся керамика группы 3 изготовлена при окислительном режиме обжига, в одном случае — при неполном окислительном обжиге, о чем свидетельствует серая полоса в центре трехслойного излома (рис. 2, 11).

Форма частично восстанавливается у двух сосудов (рис. 2, 1, 2), два фрагмента относятся к плоским днищам (рис. 2, 9, 11), одна стенка имеет рельефный орнамент (рис. 2, 8).

1. Нижняя часть большого плоскодонного сосуда (рис. 1, 1). Реконструируемый диаметр дна — 10,5 см, толщина дна — 10 мм, толщина стенок — 6–7 мм. В глиняном тесте примесь песка и мелких галечек. Поверхности красно-коричневого цвета, верхняя часть наружной поверхности глазурована зеленой полупрозрачной поливой со светлыми пятнами, нанесенной методом муравления. Максимальная сохранившаяся высота сосуда — 6,5 см, максимальный диаметр — 20,5 см, стенки сильно наклонные наружу. Может быть реконструирован как глубокое блюдо или большая миска.

2. Верхняя часть тулова небольшого горшковидного сосуда. Диаметр по венчику — 9 см, диаметр по шейке — 8,5 см, высота шейки — 1 см, дуговидно отогнута, максимальный диаметр по тулову — 11,5 см. Толщина стенок — 0,3–0,4 см. Обе поверхности покрыты толстым слоем глазури зеленого цвета, тесто плотное, с примесью песка и мелкого шамота. На поверхностях и в сломе тесто однородное, серо-коричневого цвета (рис. 2, 2).

3. Один фрагмент стенки сосуда орнаментирован глубокими горизонтальными каннелюрами с четко выраженными краями (рис. 2, 8). Тесто коричневого цвета, плотное, хорошо отмученное, однородное, с примесью мелкого песка. Обе поверхности фрагмента покрыты толстым слоем глазури зеленого цвета, чем он сближается с описанным выше небольшим горшочком.

4. Крупный фрагмент плоского дна сосуда (рис. 2, 11). Тесто плотное, светло-коричневого цвета с серой прослойкой внутри, с примесью мелкого песка. С внутренней стороны покрыт прозрачной поливой коричневого цвета.

Примеси к глиняному тесту: «песок» — 3, «песок + мелкая галька» — 2, «песок + шамот» — 4 (в одном случае — с дробле-

ным мягким белым камнем), «песок + мелкая органика» и «песок + обугленная органика» — по 1 случаю.

Фрагменты сосудов из фарфора и фаянса — 14 экз. от 13 сосудов

Распространены по всей поверхности площадки, концентрируясь небольшими (3–5 м в диаметре) скоплениями по несколько находок. На части фрагментов имеются следы росписи, в том числе в технике надглазурной росписи (рис. 3, 1, 6, 13) и подглазурной росписи (рис. 3, 2, 5, 10, 11), один фрагмент крышки имеет рельефный орнамент (рис. 3, 9). Все найденные фрагменты белого цвета. Клейма отсутствуют. Сосудов из фаянса — 5, из фарфора — 8, форма некоторых из них может быть частично реконструирована.

Изделия из фаянса

1. Два фрагмента являются носиком и донцем фаянсового заварочного чайника (рис. 3, 1). Сохранившаяся длина носика — 6 см, диаметр — 2 см, толщина стенок — 0,4 см. Судя по небольшому фрагменту нижней части, дно чайника было плоским с кольцевидным конического сечения поддоном. Диаметр по поддону — 7,7 см, тулово имеет дуговидные с переходом в вертикальные (?) стенки. Толщина стенок у основания — 0,4 см. Сохранившаяся часть росписи представлена одиночными коричневыми линиями по нижней части носика и внешней стороне поддона.

2. Нижняя часть чашки на кольцевидном конического сечения поддоне (рис. 3, 3). Диаметр по поддону — 3,7 см, тулово имеет дуговидно расширяющиеся стенки. Толщина стенок у основания — 0,4 см.

3. Нижняя часть большой кружки (?) на кольцевидном фигурном поддоне (рис. 3, 4). Диаметр по поддону — 7 см, отделен от тулова кольцевой каннелюрой, тулово имеет дуговидно расширяющиеся стенки. Толщина стенок у основания — 3 мм. Судя по растресканности поверхностей и сильной стертости граней, кружка использовалась длительное время.

4. Нижняя часть плоскодонного блюда на кольцевидном конического сечения поддоне (рис. 3, 5). Диаметр по поддону — 9,3 см, тулово имеет дуговидные сильно расширяющиеся стенки. Толщина стенок у основания — 0,4 см.

Изделия из фарфора

1. Верхняя часть тулова сосуда типа пиалы или небольшого глубокого блюда (рис. 3, 6). Диаметр по венчику — 14 см, максимальная сохранившаяся высота — 2,3 см, стенки дуговидные, толщиной 0,4 см.

2. Нижняя часть плоскодонного блюда на кольцевидном конического сечения поддоне (рис. 3, 7). Диаметр по поддону — 10 см, тулово имеет сильно расширяющиеся стенки. Толщина стенок у основания — 0,3 см.

3. Фрагмент крышки небольшого сосуда (типа заварочного чайника или сахарницы), реконструируемый диаметр — 8 см, толщина до 1,1 см (рис. 3, 9).

4. Верхняя часть тулова сосуда типа чайной чашки (рис. 3, 8). Диаметр не устанавливается, толщина стенки не более 1,5 мм. Тулово слабо дуговидное, сужающееся.

Остальные фрагменты из фарфора также могут быть отнесены к чайным чашкам (рис. 3, 10–13).

Таким образом, все найденные фрагменты из фаянса и фарфора являются частями чайной посуды из совершенно разных сервизов и комплектов. При этом присутствуют как очень грубые кружки (рис. 3, 4),

так и чашечки из очень тонкого фарфора (рис. 3, 8). Последняя, возможно, является китайским импортом, так как именно для китайского фарфора характерны тонкие полупрозрачные стенки и глазурь молочно-белого цвета [Матвеев, Аношко, Сирюшова 2011: 119].

Анализ гончарной керамики, происходящей со стоянки *Первомайский-1*, показывает, что первые две группы (грубая и сероглиняная) тесно связаны между собой, — для обеих в качестве дополнительных примесей, на фоне основной примеси песка, характерны мелкая галька и дробленый мягкий белый камень (таблица 1). Достаточно сложные формовочные массы, в том числе и наличие талька (слюды), этих групп находят аналогии в слое Челябинска начала XIX в. [Самигулов 2003: 91–92]. Также челябинской керамике соответствует серо-коричневый цвет поверхностей у группы 1 и отсутствие поливы у обеих групп. Единственный частично реконструируемый горшок группы 1 (рис. 1, 1) по профилировке и оформлению устья находит близкие аналогии в ранней группе челябинской посуды [Самигулов 2003: рис. 1, 6, 20, 38].

Таблица 1. Стоянка *Первомайский-1*. Примеси к формовочной массе гончарных сосудов¹
[Table 1. Pervomaisky-1 site. Impurities to the molding compound of pottery vessels]

ГРУППЫ	инв. №	рис.	тальк	орг. (обугл.)	орг. (мелкая)	галька	песок	бел. камень	шамот	кол-во фрагм.	обработка поверхности
гр. 1	6	1, 4					+			1	
	12	1, 3					+			1	
	7	1, 2		+			+			1	
	8						+	+		1	
	10						+	+		1	
	11						+	+		1	
	5	1, 1	+			+	+	+		1	
гр. 2.1	23/24	1, 7			+	+	+	+		2	обвар
	17–22	1, 6			+	+	+			6	
	37					+	+			1	обвар
	25	1, 8		+		+	+			1	
	26–28	1, 5		+			+			3	
	13						+			1	

¹ Определение примесей проводилось при 12-кратном увеличении.

гр. 2.2	15/16	1, 9–10				+	+			2	
	14	1, 12				+	+	+	+	1	
	9	1, 11					+	+		1	
Гр. 3	35	2, 4				+	+			1	коричн. (двустор.)
	29	2, 1				+	+			1	зеленая (наруж.)
	36/39	2, 7					+	+	+	2	зеленая (наруж.), прозрачная (внутр.)
	31	2, 2		серо-коричневый			+		+	1	зеленая (двустор.)
	34	2, 6					+		+	1	коричн. (двустор.)
	40	2, 10					+		+	1	зеленая (наруж.), прозрачная (внутр.)
	30	2, 9			+		+			1	
	32	2, 3		+			+			1	зеленоват. (внутр.)
	33	2, 5					+			1	прозрач. (двустор.)
	38	2, 8					+			1	зеленая (двустор.)
	41	2, 11					+			1	прозрач. (одностор.)
ВСЕГО (фрагм. / %%)			1 3,7	4 14,8	3 11,1	9 33,3	27 100	8 29,6	5 18,5	37	

По челябинской серии сосудов установлено, что в течение XIX в. какие-либо дополнительные примеси из формовочной массы исчезают, и используется ожелезненная глина с примесью песка и мелких галечек, возможно, естественного происхождения или вообще без примесей [Самигулов 2003: 93]. Данная закономерность прослежена также и на материалах Самарского Поволжья [Кирсанов 2001: 221].

Вторая группа посуды (сероглиняная), выделяемая на стоянке *Первомайский-1*, сохраняет, однако, в формовочной массе значительное количество дополнительных примесей. Это не позволяет ее резко противопоставлять группе 1, в том числе и датировать более поздним временем. Вероятно, основное различие этих групп в их разном функциональном назначении: группа 1 — кухонная (горшки), группа 2 — столовая (при возможных различиях внутри группы).

В подгруппе 2.1 по верхним частям выделяются 3 типологически близких сосуда, которые могут быть названы высокими вытянутыми кринками. Их объединяет тонкостенность, высокое узкое горло с плавным расширением в сторону тулова и более выраженным отгибом к устью, оформлением венчика дуговидными в сечении валиками (рис. 1, 6–8). Кринки, известные по культурному слою Челябинска XVIII–XIX вв., сильно отличаются от публикуемых по всем сво-

им характеристикам (значительно большая приземистость, более широкое и невысокое горло, почти горизонтальный отгиб венчика) [Самигулов 2003: 91–92, рис. 2, 5, 8–10].

Обращение к иным опубликованным материалам Уральского региона этого времени показывает, что кринка как тип столовой посуды в ряде коллекций либо не представлена вообще, либо присутствует единично и, в этом случае, относится к широкогорлым приземистым формам [Обыденнова, Овсянников 2015; Обыденнова и др. 2016; Камалеев 2018; Камалеев 2019; Камалеев, Колонских, Антонов 2018].

Возможно, что дальнейшее введение в научный оборот керамических материалов XVIII – начала XX вв. с территории Урала и Поволжья позволит получить более детализированную картину. По имеющимся же данным, коллекция со стоянки *Первомайский-1* выделяется значительным количеством кринок (все относятся к группе сероглиняной посуды), что, несомненно, не является случайным.

Сильная фрагментированность красноглиняной гончарной керамики (группа 3) резко снижает возможности ее анализа по формам — реконструируются только крупная миска и небольшой горшочек, т. е. всего 2 сосуда из 11, входящих в группу. Примеси к формовочной массе достаточно разнообразны (таблица 1): присутствуют сосуды

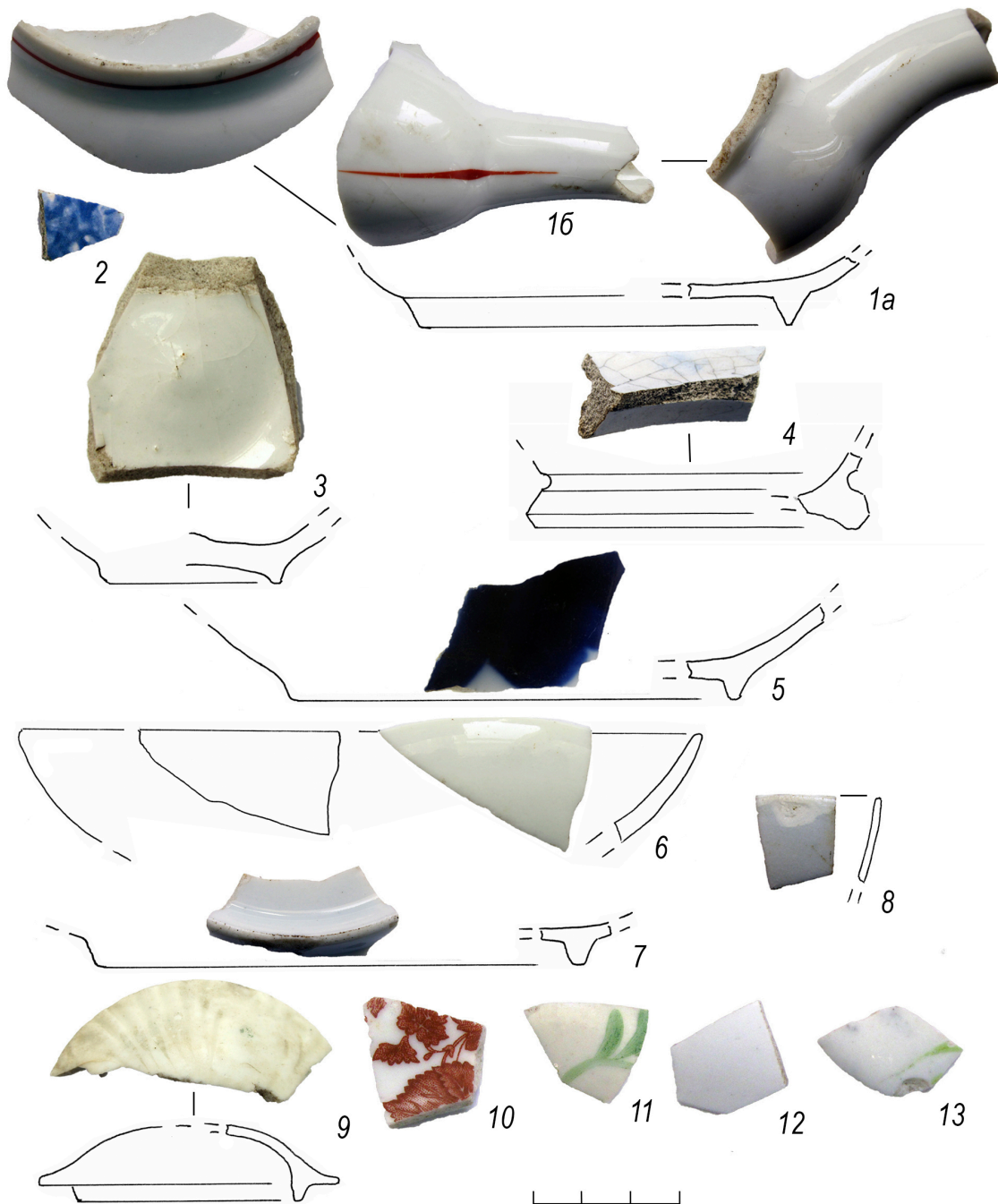

Рис. 3. Стоянка Первомайский-1. Фрагменты сосудов из фарфора (6–13) и фаянса (1–5)
 [Fig. 3. Pervomaisky-1 site. Fragments of porcelain (6–13) and earthenware (1–5) vessels]

как только с примесью мелкого песка, так и достаточно крупного песка с галечками, шамотом, органикой и дробленным мягким белым камнем. В целом можно говорить о том, что за исключением шамота все остальные дополнительные примеси распространены и в формовочной массе сосудов восстановительного обжига (группы 1 и 2). Вероятно, это является свидетельством

местного производства как минимум части красноглиняной посуды в рамках единых гончарных традиций. В дополнение к этим данным, для определения относительной хронологической позиции красноглиняной поливной посуды принципиальную важность имеют данные, полученные по Табынской крепости и Табынскому острогу в предгорной лесостепи Южного Приуралья.

Так, в остроге, предварительно датированном XVII–XVIII вв., присутствует только очень архаичная грубая керамика восстановительного обжига [Обыденнова и др. 2016: 290, рис. 7], а в верхних горизонтах культурного слоя крепости, продолжавшей существо-

вать в XIX в. в качестве казачьей станицы, керамика восстановительного обжига и поливная керамика окислительного обжига залегают совместно; в этих же отложениях появляются и изделия из фарфора и фаянса [Камалеев 2019: 153–154, табл. 2].

Таблица 2. Стоянка Первомайский-1.

Соотношение типов и групп посуды позднего комплекса

[Table 2. Pervomaisky-1 site. Correlation between types and groups of tableware within the late complex]

Типы сосудов	Гр. 1	Гр. 2.1	Гр. 2.2	Гр. 3	Фаянс	Фарфор	ВСЕГО	Группа	Кол-во
Горшок	4		3				7	КУХОННЫЕ	7
Кринка		3					3	СТОЛОВЫЕ	5
Миска				1			1		
Горшочек				1			1		
Чайник					1		1	ЧАЙНЫЕ	13
Кружка					1		1		
Чашка					2	5	7		
Блюдце					1	2	3		
Крышка						1	1		
Неопред.	3	3	—	9	—	—	15	Неопределимые до группы — 37,5 %	
ВСЕГО	7	6	3	11	5	8	40	Определимые до группы — 62,5 %	

Основания для каких-либо прямых датировок найденных фрагментов посуды из фарфора и фаянса отсутствуют. Однако они занимают очень важное место в структуре всех находок посуды «позднего комплекса». Вся она четко делится на 3 функциональные группы: кухонная (гр. 1 и 2.2 — 7 сосудов), столовая (гр. 2.1. и 3 — 5 сосудов) и чайная (фарфор и фаянс — 13 сосудов). Учитывая четкую взаимосвязь грубой, сероглиняной и красноглиняной керамики по примесям к формовочной массе, отнесение их к кухонной и столовой группам, группа чайной посуды (чайник, кружка, блюдца, чашки) также должна быть синхронизирована с ними и включена в единый комплекс. Дата этого комплекса может быть определена в пределах середины – второй половины XIX в., что подтверждается и временем широкого распространения на Урале и в Западной Сибири фарфоровой и фаянсовой посуды [Матвеев, Аношко, Сирюшова 2011: 122–123].

Изделия из железа

Всего 14 экз., из них 12 — подъемный материал со всей поверхности площадки.

Выделяются фрагменты сосудов, ножей, гвоздей, подковы, зубья борон и небольшой фрагмент неопределимого пластинчатого предмета.

Сосуды — 2 экз., представлены фрагментом средней части чугунного котелка и фрагментом клепаного жестяного ведра. Форма первого биконическая, стенки слабо дуговидные, место стыка верхней и нижней части подчеркнуто рельефным валиком. Максимальный диаметр сосуда (место прохождения валика) — 24 см, сохранившаяся высота — 7 см. Толщина стенок выше валика — 3 мм, ниже валика — 2 мм (рис. 4, 1). От ведра сохранился небольшой фрагмент прямого устья с приклепанным ушком для крепления дужки (рис. 4, 10). Ребро жесткости по краю ведра сформировано закрученным в трубочку листом металла. Подобные клепаные ведра из листового металла известны на Урале как минимум с 1870-х гг. [Мельникова 2008: 28, фото 2].

Очень показательна находка фрагмента чугунного котелка — единственная находка чугунного изделия на площади распространения вскрытого пахотой культурного слоя

(почти 10 000 м²). На поверхности исследованных в 2018 г. башкирских селищ *Атиково-2* и *-3* XVIII–XIX вв. в горно-лесной зоне Южного Урала найдено значительно большее количество фрагментов чугунных котлов (*Атиково-2* — 10 на 4 150 м², *Атиково-3* — 14 на 15 140 м²) [Русланов 2019].

Совсем иная картина на русских (при всей условности данного определения) поселенческих памятниках XVII–XIX вв. Южного Урала. В Табынском городке (площадь раскопов 170 м²) находки чугунной посуды отсутствуют [Обыденнова, Овсянников 2015: 314–317].

При общем большом количестве металлических находок крупные чугунные котлы отсутствуют и в казачьем Свистунском руде Новолинейного района (современное Восточное Оренбуржье) [Фомичев 2018: 177].

В Табынской крепости среди сборов на поверхности чугун также не встречен, единственная находка небольшого фрагмента связана с верхней частью отложений одного из четырех заложенных шурфов [Камалеев 2019: 154]. В Ельдяцкой крепости на поверхности найдены фрагменты двух небольших чугунных котелков с диаметром по венчику 19 см [Камалеев 2018: 163, рис. 2, 1], в шести заложенных шурфах данная категория находок отсутствует. Эти различия вполне закономерны и основываются на принципиальных отличиях образа жизни кочевников и оседло-земледельческого населения, что проявляется в типах жилищ, приспособлениях для приготовления пищи, различиях в самой пище и т. д.

Обращаем внимание на близость котелков с *Первомайского-1* и опубликованного экземпляра из Ельдяцкой крепости: небольшой диаметр, биконическое тулово, валик — место стыка двух частей литейной формы, проходящий по месту максимального расширения тулова. Башкирские же котлы — большого диаметра при незначительной глубине (в *Атиково-3* — диаметр 50 см, глубина — 19 см), дуговидного профиля, с Г-образным или коленчатоотогнутым венчиком и горизонтальными сегментовидными ручками [Русланов 2019: 120]. По этим признакам последние являются прямым продолжением традиций золотоордынского времени.

Зубья от борон — 3 экз., из них одно целое. Его длина — 21,5 см, сечение квадратное, от 13×13 мм в средней части до 6×6 мм у острия (рис. 4, 3). В верхней части с двух противолежащих сторон нанесены парные наклонные зарубки. Верхний торец имеет следы деформации от забивания, острие также уплощено от забитости. Нижняя треть погнута, возможно, в процессе использования. Второй предмет — фрагмент верхней части длиной 4,5 см (рис. 4, 5). Сечение квадратное, 8×8 мм, равномерное по всей длине. Верхняя часть прута загнута под прямым углом и имеет следы сильной сбитости. Третий зуб представлен фрагментом нижней части, его длина — 8 см, сечение квадратное, до 1,2×1,3 см (рис. 4, 2). Судя по конструкции верхней части зубьев и сбитости на них, рама бороны была деревянной, в которую через специальные отверстия вбивались железные зубья.

Ножи — 4 экз., два из них найдены в шурфе (рис. 4, 4, 8).

Первый представляет собой центральную часть железного складного ножа (бритвы), состоящую из прибуховой части клинка размером 6,3×1,6 см, толщиной 0,2 см и фрагмента верхней части рукояти размером 2,4×1,8 см и толщиной 0,8 см (рис. 4, 8). Состоит из согнутой пополам и охватывающей пятку клинка пластины с прикрепленными к ней с помощью заклепок железными накладками. В месте крепления клинка и рукояти — сильно коррозированный выступ размером 2×2 мм; возможно, это ось. От второго ножа сохранилась хвостовая часть, судя по которой он также был складным, но относился к иному типу (рис. 4, 4). Длина стержня — 8 см, окончание закручено в спираль. Сечение стержня квадратное, 4×4 мм, в закрученной части плавно утончается до 1,5×1,5 мм. Нахождение на данном памятнике с достаточно ограниченным количеством и разнообразием находок фрагментов двух складных ножей (самодельных или ремесленного производства) свидетельствует о значительной их распространенности в XIX в. у населения Южного Урала. Также, по имеющимся данным, такие раскладные ножи-бритвы были широко распространены у башкир вплоть до первой половины XX в. [Русланов 2019]. Третий нож представлен квадратным в сечении черешком, закрученным винтообразно. Длина черешка — 5,9 см, толщина — 0,6 см (рис. 4, 7).

Рис. 4. Стоянка Первомайский-1. Изделия из железа: 1 — чугу́нный котелок; 2, 3, 5 — зубья борон; 4 — хвостовик раскладного ножа; 6 — кованый гвоздь; 7 — черешок от ножа; 8 — средняя часть раскладного ножа; 9 — фрагмент подковы; 10 — верхняя часть клепаного ведра

[Fig. 4. Pervomaisky-1 site. Iron products: 1 — cast-iron pot; 2, 3, 5 — harrow teeth; 4 — shank of a folding knife; 6 — forged nail; 7 — knife stalk; 8 — middle part of a folding knife; 9 — fragment of a horseshoe; 10 — upper part of a riveted bucket]

От четвертого ножа сохранился также только черешок, его размеры — 5,9×0,7×0,4 см.

Фрагмент подковы имеет форму половины трехчетвертного овала, с двумя шипами (одним широким прямым передним и одним из двух прямых задних), двумя сохранившимися подквадратными отверстиями для гвоздей (ухналей) и гвоздевой дорожкой между ними (рис. 4, 9). Длина подковы — 13,3 см, ширина сохранившейся половины — 4,5 см. Ширина передней (зацепной) части — 2 см. Форма, длина и ширина самой подковы, ширина зацепной части, количество шипов и наличие гвоздевой дорожки (а не выемок под каждый гвоздь), согласно О. В. Двуреченскому и А. Н. Кирпичникову, говорят о том, что найденная на стоянке *Первомайский-1* подкова соответствует типу 2, распространенному в России в XVIII–XIX вв. [Кирпичников 1973: 83, 84; Двуреченский 2004: 239].

Гвозди — 3 экз. Все кованые. Один гвоздь целый, его длина — 6,4 см, сечение стержня квадратное, 0,3×0,3 см, шляпка круглая коническая, диаметром 1,3 см (рис. 4, 6). Два других гвоздя представлены нижними заостренными частями стержней длиной 4,1 и 2,4 см, не отличающимися по сечению и размерам от описанного выше целого экземпляра.

Также по всей площадке стоянки разнообразно встречались разные по размеру фрагменты кирпичей из глины коричневого цвета, куски колотой железной руды черного и темно-серого цвета² и 3 фрагмента из достаточно сильно иризованного стекла. Один из них — горлышко от сосуда типа склянки, два других — небольшие и тонкие (не более 2–3 мм) фрагменты плоского стекла. Помимо этого, на поверхности стоянки найдено 12 фрагментов костей животных, принадлежавших крупному (4) и мелкому (7) рогатому скоту, а также птице (1)³.

² Коллектив авторов выражает благодарность директору Института геологии Уфимского федерального исследовательского центра РАН доктору геолого-минералогических наук С. Г. Ковалеву за консультации, сделанные по фотографиям данных находок.

³ Определение костей проведено по этапам сотрудником отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН А. А. Романовым.

Археологическая реконструкция

Полученные материалы с достаточной полнотой позволяют реконструировать рассматриваемый поздний этап (при этом в ранний и средний этапы данная площадка использовалась в качестве кратковременной стоянки) освоения мысовидной площадки на северном берегу небольшого карстового озера. К этому времени относится основное количество находок. Керамический комплекс в целом одновременен и делится на посуду гончарную и изготовленную из фарфора и фаянса. Гончарная посуда представлена грубыми кухонными сосудами, сероглиняными столовыми (кринки) и более грубыми кухонными сосудами, а также красноглиняными столовыми сосудами, в том числе и с очень качественной поливой. Серия из фарфора и фаянса представлена фрагментами столовой (чайной) посуды — кружками, чашками, заварочным чайником, блюдцами, пиалой, чайной чашечкой из очень тонкого фарфора (рис. 3, 8). Одна из кружек (?) имеет следы очень длительного использования (рис. 3, 4). Металлические (все — из железа) изделия представлены тремя зубьями от борон, фрагментом чугунного котелка, фрагментами двух жестяных изделий типа ведер, согнутой подковой, коваными гвоздями, фрагментами складных ножей и еще несколькими неопределимыми фрагментами. Прочие находки представлены мелкими фрагментами стеклянных изделий, небольшим количеством колотых костей животных, обломками кустарных кирпичей и большим количеством разнообразных кусков железной руды.

Все находки локализованы исключительно в пределах пятна с максимальными размерами 70×50 м, при этом внутри данного периметра концентрация находок крайне неравномерна — выделяются небольшие микрокопления диаметром 3–5 метров с несколькими находками, разделенные промежутками совершенно без находок. Судя по данным шурфа, находящегося непосредственно в пятне распространения находок, весь культурный слой заключен в распаханном гумусе и, возможно, на контакте распаханного и нераспаханного слоев.

Специфика находок позднего комплекса позволяет данный археологический объект отнести к типу кратковременных, но многократно использовавшихся стоянок без осу-

шествления полного цикла хозяйственной деятельности. По имеющимся археологическим данным, выявленный объект может быть интерпретирован как долговременно (одно–два поколения) использовавшийся полевой стан оседлого земледельческого населения середины – второй половины XIX в., находившийся в центре пахотных угодий. Присутствие фрагментов кирпичей позволяет предполагать наличие на площадке полевого стана каких-то относительно долговременных компактных сооружений типа печи, каменки, очага и т. д., которые могут быть заглублены в подстилающий материковый слой. Куски железной руды являются явно привозными и, вероятно, как-то использовались в хозяйственной деятельности (типа забутовки, вымостки, каменки и т. д.).

Исторические данные

Начало вхождения Южного Урала в состав Русского государства относится к середине XVI в., когда приуральская часть башкир приняла подданство «Белого царя», однако на протяжении последующих почти двух веков территория проживания башкир представляла собой своеобразный фронт с достаточно номинальным русским присутствием. Даже в Приуралье, территориально более связанном с историческими территориями Русского государства, городов Уфа и Бирск долгое время являлись очень удаленными аванпостами, окруженными со всех сторон многочисленным башкирским населением. Очень наглядна история создания и существования первого русского «промышленного узла» на территории Башкирии, в Табынском крае — монастырь, возникший еще в конце XVI в., Солеварный городок и сами варницы периодически уничтожались восставшими башкирами.

Изменение ситуации начинается только со второй трети XVIII в., когда для России по политическим причинам назрела необходимость более глубокой интеграции Башкирии в свой состав. Следствием создания Оренбургской экспедиции стало возведение Табынской крепости и строительство Богоявленского завода, однако начальный этап этого процесса для Табынского края был не менее драматичен — Табынский редут и строящийся рядом с ним Воскресенский завод были тут же захвачены и уничтожены [Курмаев 2019; Зефирев 2014].

Совершенно иная ситуация была в Зауральской Башкирии — русское население на этих моноэтнических башкирских землях стало появляться только в 1740-е гг., после строительства крепостей Оренбургской укрепленной линии. Их создание было вызвано необходимостью реальной охраны юго-восточных границ России, при этом река Урал являлась крайне беспокойной для обеих сторон башкиро-казахской этнической границей [Кобзов 1992: 13; Гончарова 2011; Атнагулов 2017: 262]. Все создаваемые крепости и более мелкие укрепления находились по правому, башкирскому берегу р. Урал.

Рассматриваемая в настоящей статье стоянка *Первомайский-1* расположена в 15 км к югу-юго-западу от крепости Магнитной, напротив расположенных южнее ее редутов — Каменного, Зиндейского и Янгельского. Казачьей землей являлась полоса шириной не менее 15 верст вдоль реки Урал, проходившая по его «внутренней», башкирской стороне [Галигузов, Баканов 1994: 90; Магнитогорск 2002: 8].

Минимальное расстояние от стоянки *Первомайский-1* до р. Урал составляет 13–14 км, т. е. она находилась в пределах земель Оренбургского казачьего войска, что также подтверждается и картографическими материалами (рис. 6, 3). Никаких других русских населенных пунктов, за исключением казачьих станиц, в середине – второй половине XIX в. здесь не было. Фиксируемые на поздних картах Гусево, Борисово и Маркинский (3–5 км к западу и юго-западу, т. е. уже за пределами полосы казачьих земель) возникли в 1916 г. как хутора переселенцев из горнозаводских русских сел Кага, Авзян и Узьян на землях, предоставленных башкирами (рис. 7, 2, 3) [Гончарова 2011: 126–127].

Картографические материалы показывают, что стоянка *Первомайский-1* находилась не более чем в 3–4 верстах западнее основной транспортной артерии региона — Оренбургского почтового тракта, соединяющего на этом участке станицу Магнитную с Янгельским отрядом (рис. 5–7). На карте Стрельбицкого (1919 г.) — первой, хотя бы относительно детально показывающей эту территорию, присутствует и еще одна дорога, которая проходит примерно в 2 км

Рис. 5. Расположение стоянки Первомайский-1 на картах конца XVIII – начала XIX вв.:

1 — карта 1799 г.; 2 — карта 1802 г.; 3 — карта 1805 г.

Fig. 5. Location of Pervomaiskiy-1 site according to late 18th-early 19th century maps: 1 — map of 1799; 2 — map of 1802; 3 — map of 1805]

Рис. 6. Расположение стоянки Первомайский-1 на картах конца XIX – начала XX вв.:

1 — карта 1875 г.; 2 — карта 1899 г.; 3 — карта 1905 г.

[Fig. 6. Location of Pervomaisky-1 site according to late 19th–early 20th century maps: 1 — map of 1875; 2 — map of 1899; 3 — map of 1905]

западнее стоянки (рис. 7, 1)⁴. Общая протяженность этой дороги — около 75 км, она напрямую соединяла казачьи поселки Сыртинский и Смеловский, являясь практически прямым меридионально вытянутым дублером Оренбургского тракта. В отличие

⁴ В настоящее время эта дорога превратилась в слабо заметную грунтовку, идущую между распаханными полями.

от последнего, часто прижимавшегося к долине р. Урал, она проходила по вершинам степных водораздельных сыртов. Судя по карте масштаба 1:100 000, изданной в 1944 г. по материалам 1941 г. (рис. 7, 2), эта дорога становится улучшенной грунтовой и именно по ней проходит граница между Башкирской АССР и Челябинской областью. Вероятно, ранее эта дорога мар-

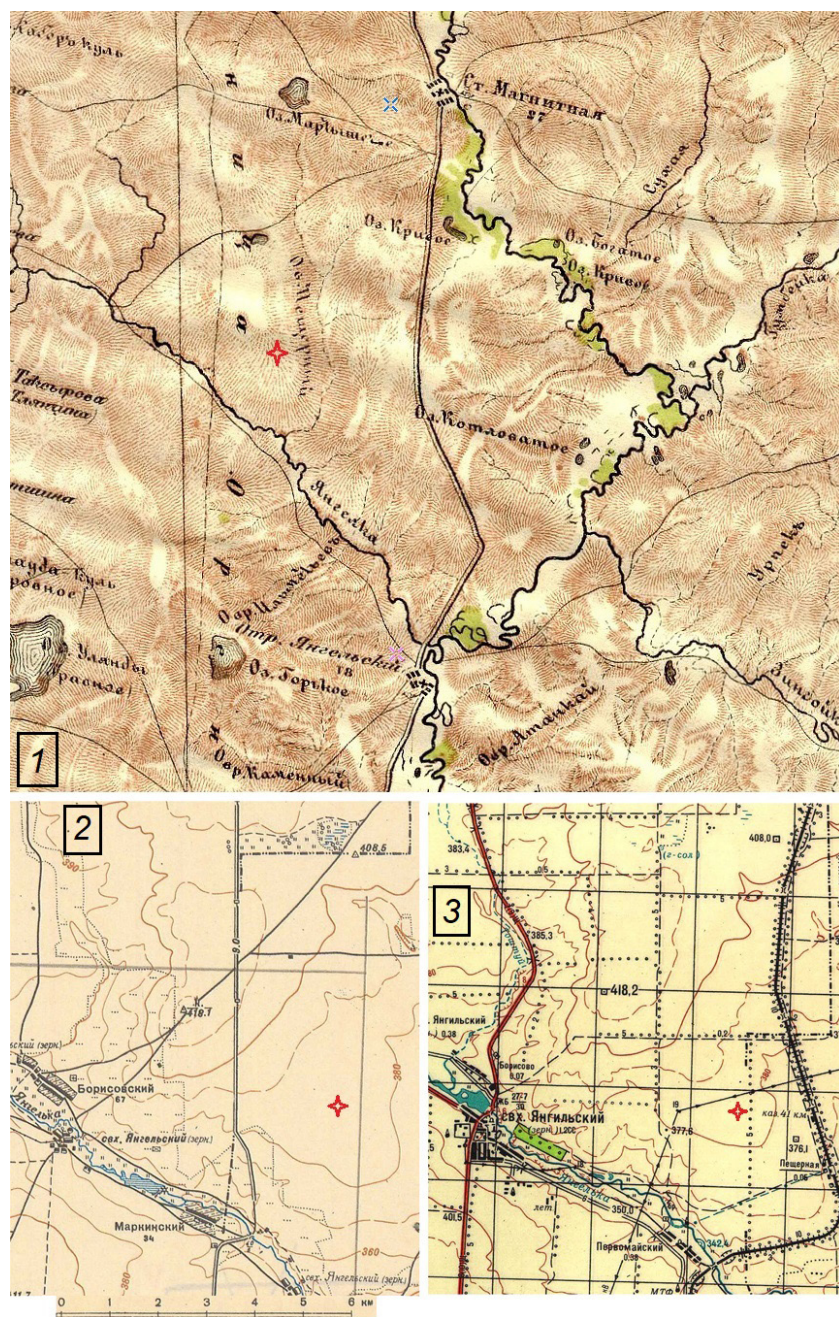

Рис. 7. Расположение стоянки Первомайский-1 на картах XX в.:

1 — карта 1919 г.; 2 — карта 1943 г.; 3 — карта 1985 г.

[Fig. 7. Location of Pervomaisky-1 site according to 20th-century maps: 1 — map of 1919; 2 — map of 1943; 3 — map of 1985]

кировала границу между Оренбургским казачьим войском и башкирскими землями и вполне адекватно отражает ситуацию середины – второй половины XIX в., то есть времени существования стоянки *Первомайский-1*.

Очень показателен набор находок на стоянке — все они исключительно бытового и земледельческого (зубья борон) назна-

чения, а находки, связанные с вооружением, отсутствуют. Однако вплоть до середины XIX в. кочевавшие в непосредственной близости казахи были реальной угрозой как для башкирского, так и, в первую очередь, русского населения, находившегося непосредственно на линии границы — постоянные нападения, угоны скота и людей [Кобзов 1992: 24–25; Козлов 2016: 33–34].

Только за неполную вторую половину XVIII в. казахи с Оренбургской пограничной линии пленили и продали в рабство около 3 000 человек [Галигузов, Баканов 1994: 41]. Эта постоянная опасность, начинавшаяся прямо за укреплениями крепостей и редутов, привела к военизации всего быта казаков, в том числе это проявлялось и в земледелии. «При выходе на полевые работы значительным числом казаков с семьями инструкция требовала выставлять посты наблюдения и охранение. На ночь все должны возвращаться домой, а если из-за расстояния это «несподручно», то выстраивать из телег каре, внутри которого размещать людей и скот под неусыпным оком часовых» [Галигузов, Баканов 1994: 42].

Отсутствие на стоянке *Первомайский-1* предметов вооружения (при достаточно большом количестве других металлических изделий) может свидетельствовать только о совершенно не военном характере данного памятника⁵. Подобное стало возможным только после создания в середине 1830-х гг.

Новой укрепленной линии, формирования Новолинейного района и постепенного успокоения кочевавших здесь казахов (после смерти в 1847 г. султана Кенисары Касимова, более 10 лет осуществлявшего набег крупными отрядами на пограничные и внутренние поселения Новолинейного района) [Кобзов 1992: 25; Козлов 2016: 34–38].

Передвижение границы с Киргиз-Кайсацкой степью более чем на 100 км к востоку привело к утрате военного значения крепостями старой укрепленной линии и дальнейшим их развитием в качестве поселков и станиц. Крепость Магнитная превратилась в богатую станицу — по экономическому состоянию в последней четверти XIX в. она отнесена к числу наиболее доходных [Галигузов, Баканов 1994: 67], и менее чем за полвека количество дворов и населения в ней выросло более чем в два раза (рис. 8). Также важно, что в 1844 г. в Магнитной была открыта первая ярмарка [Галигузов, Баканов 1994: 126]. Возможно, что именно с ее функционированием связано распро-

Рис. 8. Динамика роста крепости / станицы Магнитная в XIX – начале XX вв. [по: Галигузов, Баканов 1994: 28] и интервал существования стоянки *Первомайский-1* (красный прямоугольник)

[Fig. 8. Growth dynamics (19th – early 20th centuries) of Magnitnaya fortress / stanitsa, and the interval of existence of Pervomaisky-1 site (red rectangle)]

⁵ К примеру, на башкирском селище *Атиково-3* (рубеж XVIII–XIX вв.) найдены железные наконечники стрел и свинцовые пули [Русланов 2019], на селище *Воецкое-1* (башкирская дерев-

ня Акбашево, переставшая существовать к началу XIX в.) найден наконечник стрелы [Ахметова 2017], в «Табынском городке» 30-х гг. XVIII в. — наконечник стрелы, свинцовые пули и пушечные ядра [Обыденнова, Овсянников 2015].

странение среди казаков станицы фарфоровой (в том числе и очень качественной) и фаянсовой посуды, составлявшей почти половину находок на стоянке *Первомайский-1* и выделяемой в группу «чайной посуды» (таблица 2).

Неожиданно важную информацию дают находки кусков железной руды, в большом количестве найденной на площадке стоянки. Все они однородные, колотые, без следов пустой породы, т. е. это руда обогащена механическим способом. Факт присутствия руды на кратковременной стоянке в открытой степи может быть связан только с богатейшими запасами горы Магнитной (Атач), которые с середины XVIII в. использовали в качестве основного сырья на Белорецких железоделательных заводах. Сама гора также была собственностью этих заводов [Гудков, Гудкова 1985: 146–147]. Летом руда добывалась, складировалась в кучах (штабелях), а зимой на санях обозами доставлялась в Белорецк⁶. На добыче руды работали как присылаемые заводские крестьяне, так и казаки станицы Магнитной. Доставка же осуществлялась казаками своим транспортом и являлась важной статьей доходов жителей станицы [Галигузов, Баканов 1994: 12].

По прямой это расстояние составляет около 70 км, но только меньшая его часть проходит по равнине, большая — по предгорьям и перевалам через хребет Урал-Тау, фактически соответствуя современному прохождению автодороги, а в равнинной части проходя вдоль берега р. Малый Кизил. По данным Г. И. Гончаровой, население башкирских деревень по Малому Кизилу также занималось извозом руды, и эта дорога имела четкое наименование «Сугун-юлы» (*баш.* ‘Чугунная дорога’), сохранившееся до настоящего времени в качестве микротопонимов [Гончарова 2016: 3].

В этот же процесс было вовлечено и население села Ломовка — спутника Белорецкого завода, заселенного крестьянами из центральных губерний России, через которое и проходила основная дорога на рудники горы Магнитной. «А еще ломовцы были очень вольными людьми. Они возили руду с

горы Магнитной на Белорецкий завод, жили свободно, как казаки. ... Они из поколения в поколение передавали звание (именно звание!) ломового извозчика, чем всегда гордились. Ломовая лошадь для них была в буквальном смысле кормилицей» [Калугин 2019: 6].

Все эти данные говорят о существовании целой отрасли, связанной с перевозкой руды с места ее добычи в степи до места расположения заводов глубоко в горно-лесной зоне. Количество вовлеченных в этот процесс людей должно было быть очень значительным, как и количество самой перевозимой руды. Появление в таком контексте руды на казачьем полевом стане вполне закономерно и понятно. К примеру, сохранившиеся после перевозки остатки руды могли использоваться в качестве подобного строительного материала для обустройства площадки стана.

Заключение

Проведенный стандартный источниковедческий анализ показал высокую важность и информационную значимость «поздней» коллекции стоянки *Первомайский-1* (гончарная керамика, посуда из фарфора и фаянса, металлические изделия и т. д.). Специфика находок позволила сделать вывод о том, что данный памятник является кратковременной (но при этом многократно использовавшейся) стоянкой земледельческого населения середины — второй половины XIX в., реконструируемой как полевой стан. Привлечение картографических и исторических материалов позволило установить, что рассматриваемая стоянка расположена на землях Оренбургского казачьего войска и могла возникнуть только после создания Новолинейного района и превращения бывшей пограничной линии в глубокий тыл казачьих земель.

Анализ гончарной керамики показал большую близость серо- и красноглиняной серий по примесям к формовочной массе, что указывает на как минимум частично местное производство этой посуды. Особенностью коллекции является значительный процент высоких профилированных сероглиняных кринок — типа сосудов, практически не распространенного среди находок посуды этого времени в Урало-Поволжье и Западной Сибири. Распределение всей

⁶ Станица Магнитная. История станицы и горы Магнитная [электронный ресурс] // URL: http://u-z-d.narod.ru/5_stanitsa-magnitnaiy.htm (дата обращения: 20.05.2020).

посуды по функциональным группам (кухонная — столовая — чайная) показывает, что изделия из фарфора и фаянса, несмотря на свое высокое разнообразие (некоторые экземпляры предварительно могут быть определены как китайские), принадлежат исключительно к группе чайной. Это позволяет рассматривать всю коллекцию гончарной, фаянсовой и фарфоровой посуды со стоянки *Первомайский-1* как относительно одновременную, а предельная разнородность чайной группы может быть связана с самим типом памятника.

Еще один важный вывод сделан по чугунной посуде. Анализ их находок в Уральском регионе показывает, что на кочевнических памятниках (в первую очередь — башкирских) XVIII–XIX вв. в значительном количестве присутствуют большие чугунные котлы, а на памятниках оседлого (в первую очередь — русского) населения — небольшие чугунные котелки, представленные единичными экземплярами.

Источники

Русланов 2019 — *Русланов Е. В.* Научный отчет о разведочных археологических исследованиях в Бурзянском и Уфимском районах Республики Башкортостан в 2018 году по Открытому листу № 478 от 22.05.2018 г. / Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Уфа, 2019. В 4 т. Т. 1. 248 с. / Архив Института археологии РАН.

Sources

Ruslanov E. V. 2018 Exploratory Archaeological Excavations in Burzyansky and Ufimsky Districts of Bashkortostan: Scientific Progress Report. Permit no. 478 of May 22, 2018. Institute of History, Language and Literature (Ufa Federal Research Centre of the RAS). Ufa, 2019. In 4 vols. Vol. 1. 248 p. At: Scientific Archives, Institute of Archaeology (RAS). (In Russ.)

Литература

Атнагулов 2017 — *Атнагулов И. Р.* Казахи Челябинской области: краткая этнокультурная характеристика (к проблеме этнической самоидентификации в полиэтничном окружении) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 1 (55). С. 260–268.

Двуреченский 2004 — *Двуреченский О. В.* Средства и приемыковки лошадей в Мо-

Расположение стоянки на небольшом степном озере в значительном удалении от водотоков вполне объективно для полевого стана, который должен быть приурочен к центру пахотных угодий. С другой стороны, нахождение здесь же материалов финала эпохи камня и кочевнической раннесарматской керамики свидетельствует о длительной традиции использования этой площадки. Во всяком случае, для скифо-сарматского времени топография стоянки и ее ближайшей округи вполне закономерны и являются наглядным примером «сотового» расположения так называемых «кочевых волостей» [Савельев 2018; Савельев, Николаев 2020]. Полученные данные показывают, что в таких же топографических условиях могут располагаться и памятники оседло-земледельческого населения Нового времени. Учитывая многочисленность казачьего населения вдоль верхнего течения р. Урал, количество подобных памятников должно быть очень большим.

Ахметова 2017 — *Ахметова Е. А.* Научный отчет о разведочных археологических исследованиях в Чекамагушевском, Кушнаренковском, Уфимском, Благовещенском, Татышлинском, Еремеевском районах и г. Уфе Республики Башкортостан в 2016 году по Открытому листу № 453 от 20.05.2016 г. / ООО Научно-исследовательский центр «Наследие». Уфа, 2017. В 3 томах. Т. 1. 125 с. // Архив Института археологии РАН.

Akhmetova E. A. 2016 Exploratory Archaeological Excavations in Chekmagushevsky, Kushnarenkovsky, Ufimsky, Blagoveshchensky, Tatyshlinsky, Ermekeevsky Districts and Ufa City of Bashkortostan: Scientific Progress Report. Permit no. 453 of May 20, 2016. Nasledie Scientific Research Center. Ufa, 2017. In 3 vols. Vol. 1. 125 p. At: Scientific Archives, Institute of Archaeology (RAS). (In Russ.)

скве и Московской земле (в XIII–XIX веках) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 1 / отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004. С. 238–244.

Галигузов, Баканов 1994 — *Галигузов И. Ф., Баканов В. П.* Станица Магнитная. От казачьей станицы до города металлургов. Магнитогорск: ЧелГУ, 1994. 398 с.

- Гончарова 2011 — *Гончарова Г. И.* Имя отчей земли. Топонимия Абзелиловского района. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 184 с.
- Гончарова 2016 — *Гончарова Г. И.* Легендарные дороги Абзелила // *Абзелил*. 19 января 2016 г. № 5(8556). С. 3.
- Гудков, Гудкова 1985 — *Гудков Г. Ф., Гудкова З. И.* Из истории южноуральских горных заводов XVIII–XIX веков. Историко-краеведческие очерки. Ч. 1. Уфа: Баш. кн. изд-во, 1985. 424 с.
- Зефилов 2014 — *Зефилов В. В.* Поездка в Табынск // Историко-краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв. / сост. М. И. Роднов. Уфа: [б. и.], 2014. С. 25–37.
- Калугин 2019 — *Калугин И.* Вдоль по Ломовке. Заметки нестороннего наблюдателя // Республика Башкортостан. 25 апреля 2019 г. № 48. С. 6.
- Камалеев 2018 — *Камалеев Э. В.* Археологический комплекс «Ельдякская крепость» первой половины XVIII – нач. XX вв. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 1. С. 160–168.
- Камалеев 2019 — *Камалеев Э. В.* Археологические исследования на территории Табынской крепости XVIII–XX вв. в Центральной Башкирии // Теория и практика археологических исследований. № 1 (25). 2019. С. 147–156. DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-12.
- Камалеев, Колонских, Антонов 2018 — *Камалеев Э. В., Колонских А. Г., Антонов И. В.* Керамика Нового времени городища *Уфа-III* (по материалам раскопок М. Х. Садыковой 1969 г.) // *Манускрипт*. 2018. № 12 (98). Ч. 1. С. 37–41. DOI: 10.30853/manuscript.2018-12-1.7
- Кирпичников 1973 — *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX–XIII вв. // *Археология СССР*. САИ. Вып. Е1-36. М.; Л.: Наука, 1973. 140 с.
- Кирсанов 2001 — *Кирсанов Р. С.* Гончарное производство населения Самарского Поволжья как источник историко-культурной информации // Самарский край в истории России: мат-лы юбил. науч. конф. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, 2001. С. 215–223.
- Кобзов 1992 — *Кобзов В. С.* Новая линия // *Вестник Челябинского государственного университета*. 1992. № 1 (3). С. 12–26.
- Козлов 2016 — *Козлов Ю. Я.* Поселок Наваринский // *Хронист* / сост. Л. В. Каменская. Челябинск: Циперо, 2016. С. 33–47.
- Курмаев 2019 — *Курмаев В. Н.* Солепромышленники и служилые люди Табынского Усоля. 1636–1740 гг. // *Исторические портреты*. В 5 т. Т. 2 / сост. и отв. ред. М. И. Роднов. Уфа: Альфа-Реклама, 2019. С. 203–250.
- Магнитогорск 2002 — *Магнитогорск*. Краткая энциклопедия / под ред. Б. А. Никифорова. Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2002. 560 с.
- Матвеев, Аношко, Сирюшова 2011 — *Матвеев А. В., Аношко О. М., Сирюшова Н. Ф.* Старинный фарфор и фаянс из культурного слоя Тобольска // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2011. № 2(15). С. 116–124.
- Мельникова 2008 — *Мельникова О. Н.* Снаряжение рудокопа и старателя в коллекции отдела металла ГИМ // *Музеи*. 2008. № 2. Спецвыпуск. Посвящен Государственному историческому музею. С. 23–30.
- Обыденнова, Овсянников 2015 — *Обыденнова Г. Т., Овсянников В. В.* «Табынский острог» — исторический памятник XVII–XVIII вв. (к истории изучения) // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. Т. 17. № 3. 2015. С. 312–318.
- Обыденнова и др. 2016 — *Обыденнова Г. Т., Овсянников В. В., Бубнель Е. В., Проценко А. С., Бабин И. М.* История археологического изучения крепостных сооружений Башкирского Приуралья // *Поволжская археология*. 2016. № 4(18). С. 278–295.
- Савельев 2018 — *Савельев Н. С.* Находки мечей и кинжалов скифо-сарматского времени из юго-западных предгорий Южного Урала (к вопросу об освоении территории и особенностях расселения кочевников) // *Oriental Studies*. 2018. Vol. 38. Iss. 4. Pp. 24–31. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-24-31
- Савельев, Николаев 2020 — *Савельев Н. С., Николаев С. Ю.* Комплекс сарматских кинжалов из окрестностей с. Толбазы в Южном Приуралье // *Нижеволжский археологический вестник*. 2020. Т. 19. № 1. С. 149–166. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2020.1.8
- Самигулов 2003 — *Самигулов Г. Х.* Глиняная посуда XVIII – начала XIX веков из слоя Челябинска // *Известия Челябинского научного центра РАН*. 2003. Вып. 3 (20). С. 90–95.
- Фомичев 2018 — *Фомичев А. В.* Фортификационные сооружения Новолинейного района на востоке Оренбургской области // Теория и практика археологических исследований, 2018. Т. 24. № 4. С. 174–180. DOI: 10.14258/tpai(2018)4(24).-15

References

- Atnagulov I. R. Kazakhs of Chelyabinsk Region: a brief ethno-cultural characteristics (to the problem of ethnic identity in the multiethnic environment). *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2017. No. 1 (55). Pp. 260–268. (In Russ.)
- Dvurechensky O. V. Horseshoeing means and methods in Moscow and Tsardom of Muscovy: 13th to 19th centuries. In: Engovatova A. V. (ed.) *Archaeology of Podmoskovye. Seminar Proceedings*. Vol. 1. Moscow: Institute of Archaeology (RAS), 2004. Pp. 238–244. (In Russ.)
- Fomichev A. V. Fortifications of the Novolineiny District in the east of the Orenburg Region. *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2018. Vol. 24. No. 4. Pp. 174–180. (In Russ.) DOI: 10.14258/tpai(2018)4(24).-15
- Galiguzov I. F., Bakanov V. P. Magnitnaya Stanitsa: From a Cossack Settlement to the Metallurgical City. Magnitogorsk: Chelyabinsk State University, 1994. 398 p. (In Russ.)
- Goncharova G. I. Legendary roads of Abzelil. *Abzelil*. 2016, January 19. No. 5(8556). P. 3. (In Russ.)
- Goncharova G. I. Name of Fatherland: Toponymy of Abzelilovsky District. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Federal Research Centre of RAS), 2011. 184 p. (In Russ.)
- Gudkov G. F., Gudkova Z. I. Mining and Processing Works of the Southern Urals: 18th – 19th Centuries. Essays in Local History. Vol. 1. Ufa: Bashkir Book Publ., 1985. 424 p. (In Russ.)
- Kalugin I. Walking along Lomovka: observations of the insider. *Respublika Bashkortostan*. 2019, April 25. No. 48. P. 6. (In Russ.)
- Kamaleev E. V. Archeological complex ‘Eldyaskaya Fortress’ of the first half XVIII – early XX centuries. *Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology*. 2018. No. 1. Pp. 160–168. (In Russ.)
- Kamaleev E. V., Kolonskikh A. G., Antonov I. V. Modern era ceramics of Ufa-III settlement (by the materials of M. H. Sadykova’s excavations of 1969). *Manuscript*. 2018. No. 12 (98). Part 1. Pp. 37–41. (In Russ.) DOI: 10.30853/manuscript.2018-12-1.7
- Kamaleev E. V. Archaeological study in the territory of the Tabynsk Fortress of the XVIIIth–XXth centuries in Central Bashkiria. *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2019. No. 1 (25). Pp. 147–156. (In Russ.) DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-12.
- Kirpichnikov A. N. Horseman’s Gear and Riding Horse Tack in Rus’: 9th – 13th Centuries AD. Ser.: *Archaeology of the USSR*. Vol. E1-36. Moscow; Leningrad: Nauka, 1973. 140 p. (In Russ.)
- Kirsanov R. S. Pottery from Samara areas of the Volga Region as a source in history and culture. In: *Samara Region in Russian History. Jubilee Conference Proceedings*. Samara: Alabin Samara Oblast Museum of Local History and Lore, 2001. Pp. 215–223. (In Russ.)
- Kobzov V. S. The new line. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 1992. No. 1 (3). Pp. 12–26. (In Russ.)
- Kozlov Yu. Ya. Navarinsky village. In: Kamenskaya L. V. (comp.) *The Chronieler*. Chelyabinsk: Tsitsero, 2016. Pp. 33–47. (In Russ.)
- Kurmaev V. N. Salt industrialists and service class people of Tabynskoye Usolye: 1636–1740. In: Rodnov M. I. (comp., ed.) *Historical Portraits*. In 5 vols. Vol. 2. Ufa: Alfa-Reklama, 2019. Pp. 203–250. (In Russ.)
- Matveev A. V., Anoshko O. M., Siryushova N. F. Olden porcelain and faience dishes from the cultural layer of Tobolsk. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2011. No. 2(15). Pp. 116–124. (In Russ.)
- Melnikova O. N. Metalwork Section of the State Historical Museum: a gold miner’s gear. *Museums*. 2008. No. 2. Pp. 23–30. (In Russ.)
- Nikiforov B. A. (ed.) *Magnitogorsk: A Brief Encyclopedia*. Magnitogorsk: Magnitogorsk Printing House, 2002. 560 p. (In Russ.)
- Obydenova G. T., Ovsyannikov V. V. Historic and archival study of Tabynsk settlement. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2015. Vol. 17. No. 3. Pp. 312–318. (In Russ.)
- Obydenova G. T., Ovsyannikov V. V., Bubnel E. V., Protsenko A. S., Babin I. M. Archaeological studies of fortifications in Bashkir Cis-Urals Region. *The Volga River Region Archaeology*. 2016. No. 4(18). Pp. 278–295. (In Russ.)
- Samigulov G. Kh. 17th-early 19th century earthenware from Chelyabinsk. *Izvestiya Chelyabinskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2003. No. 3 (20). Pp. 90–95. (In Russ.)
- Savelev N. S., Nikolaev S. Yu. Sarmatian dagger complex from the surrounding area the village Tolbazy in the Southern Urals. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*. 2020. Vol. 19. No. 1. Pp. 149–166. (In Russ.) DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2020.1.8
- Savelyev N. S. Swords and daggers of the Scytho-Sarmatian period: finds from southwestern foothills of the Southern Ural (development of the territory and dispersal of the nomadic population revisited). *Oriental Studies*. 2018. Vol. 38. No. 4. Pp. 24–31. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-24-31
- Zefirov V. V. Journey to Tabynsk. In: Rodnov M. I. (comp.) *Southern Urals, 19th – Early 20th Centuries: Studies in Local History*. Ufa, 2014. Pp. 25–37. (In Russ.)